

*Моей подружке Ирочке
с любовью и благодарностью*

Эта история началась в казино. Только не подумайте, что я из тех женщин, которые вечно там обретаются. Вовсе нет. На момент начала этих событий я была исключительно скромна и даже невинна (звучит довольно глупо, но я не любительница копаться в памяти, подбирая слова и выражения). В общем, несмотря на свой возраст, я была скромна до безобразия, чем нервировала подруг и настораживала маму, а к азартным играм равнодушна, да и денег у меня не было, так что мое появление в казино в тот вечер объяснялось чистой случайностью.

Заканчивался сентябрь, в воскресенье ожидался День учителя — святой для меня праздник, который следовало отметить. Вот я впервые в жизни и отправилась с коллегами в ресторан. Идея принадлежала Ирке Вячеславской, она так же, как я, год назад окончила институт и трудилась в нашей школе. Учились мы вместе, только Ирка на физмате, а я на историческом, но в отличие от меня подружка занималась ни шатко ни валко, большую часть времени посвящая личной жизни, однако диплом получила без труда, а теперь мечтала в очередной раз выйти замуж.

— Если в институте замуж не вышла, — поучала она меня каждое утро, — считай, пятьдесят на пятьдесят — загнешься в девках.

Ирка и замуж вышла, и успела развестись еще в

институте, я же вызывала у нее жалость и недоумение.

— Ты красивая девка, — хмурилась она. — Чего ж так не везло? — И тут же возвращалась к наиболее болезненному: — Школа — жуткое болото. В первый год не выйдешь замуж — все, засосет. Коллектив бабский, целый день торчишь на работе, к вечеру на человека не похожа... Охнуть не успеешь, а уже двадцать семь. А после двадцати семи бабы объявления в газеты пишут: «Одинокая, симпатичная, мечтает познакомиться...» — В этом месте Ирка обычно зло хмурилась, потом вздыхала и смотрела на меня с укором: — А ты, чудо природы, о чем думаешь?

Я улыбалась и пожимала плечами, хотя Иркины речи производили впечатление.

Мои родители развелись, когда мне было четыре года. Росла я в окружении женщин: мамы, ее старшей сестры и бабушки. Мужчины были для меня существами диковинными, я взирала на них с любопытством и опаской.

В школе, с пятого по одиннадцатый класс, дружила с одним мальчиком, у него было плохое зрение, иногда я сомневалась: видит ли он меня вообще? Наверное, видел, так как говорил, что я красивая. Хотя, возможно, он врал.

Встречаться с ним я стала исключительно из чувства противоречия: вдобавок к плохому зрению он шепелявил, был толстым коротышкой, любил читать умные книги и всех поучать. Дружить с ним никто не хотел. Мне стало его жалко. Жили мы по соседству, из школы он обычно брел за мной на расстоянии в пару метров, однажды я не выдержала и сказала:

— Ну чего ты там плетешься? Бери портфель и иди рядом.

Он схватил мой портфель и вроде был счастлив.

На следующий день старался не отходить от меня и даже пересел за мой стол, уговорив Димку Караева поменяться с ним местами. Разумеется, это не осталось незамеченным. Одноклассники недоумевали. Так как недоумение они выразили в довольно грубой форме, я стиснула зубы, нахмурилась и продружила с Вовкой Воробьевым, так звали коротышку, семь лет. Как минимум трижды в неделю мне очень хотелось его придушить.

Наконец мы окончили школу. Вовка уехал в Москву, поступил в МГУ, а я в пединститут, по соседству с нашим домом, — мама решительно заявила, что учиться в другой город меня не отпустит.

В нашей группе было пять ребят. Четыре красавца, пристроенных в институт богатыми родителями, а пятый — рыжий, с оттопыренными ушами и круглой физиономией. Взглянув на него впервые, я глубоко вздохнула.

Через две недели он начал смотреть в мою сторону с томлением, через месяц рискнул заговорить, а еще через две недели проводил домой. Разумеется, мне стало его жалко.

Где-то с третьего курса он начал строить планы по поводу нашей дальнейшей жизни, а я настороженно молчала. Примерно в это время в нашей семье случилось несчастье. Бабушка со своей старшей дочерью, моей теткой, отправились на дачу и попали в аварию. Обе скончались на месте происшествия, а мама оказалась в больнице с инфарктом. После гибели родных она до конца так и не оправилась и вскоре вышла на инвалидность. А я, запустив учебу из-за этих событий, отправилась пересдавать экзамен на дом к одному преподавателю. Он отличался повышенным интересом к студентам женского пола, масленным взглядом, некоторой игривостью и весьма солидным возрастом. Его квартиру я покинула через пятнадцать минут в состоянии, близком

к истерике. И порадовалась, что мой рыжий коротышка скромен, тих и рук не распускает.

К этому моменту знакомые ребята поставили на моей особе жирный крест, охотно делились со мной секретами, беспардонно пользовались моей добротой и считали меня «своим парнем»: приглашали в походы, просили передать записки девушкам и дарили ко дню рождения хорошие книги. В целом меня это устраивало. Беспокоил только коротышка. То, что на него придется потратить очередные несколько лет, было ясно, но ближе к окончанию учебы он все чаще заговаривал о женитьбе. Я начала беспокоиться: твердо сказать «нет» я вряд ли смогу, а жить с ним в любви и согласии у меня просто не получится.

К счастью, он смертельно боялся службы в армии, поэтому после окончания института отправился в сельскую школу. Находилась она в отдаленном районе, где ощущались проблемы с транспортом, приезжал редко и неизменно заставлял меня погруженной в школьные дела. Визиты становились все реже, о женитьбе он почти не заговаривал и при встрече все чаще отводил глаза. Догадавшись, в чем дело, я собралась с силами, нанесла ему неожиданный и короткий визит, застала в компании с розовощекой брюнеткой лет тридцати и с облегчением вернулась домой: вопрос о моем замужестве был снят с повестки дня.

Еще в седьмом классе я прочитала «Джейн Эйр» и начала мечтать о любви. Само собой, огромной и на всю жизнь. Теперь наблюдения за окружающими мужчинами настораживали: огромной любовью не пахло, а время шло. А тут еще Ирка. Утро она начинала фразой: «Что день грядущий нам готовит? Ничего хорошего...» — а заканчивала: «Ну вот, еще один день кобелю под хвост». Вообще обстановка в учительской располагала к беспокойству, мужчин

было только трое: физрук, тихий пьяница без гроша в кармане с постоянной ласковой просьбой одолжить двадцатку, математик в весьма преклонном возрасте, усталый и издерганный, и трижды женатый физик, на досуге изготавливающий модели аэропланов, которые никак не хотели летать. Остальной учительский состав женский, причем только трое из женщин могли похвастать семейным счастьем, прочие мечтали выйти замуж или развестись, растили детей, ругались из-за нагрузки и занимали друг у друга деньги до зарплаты. «Загнемся здесь», — зловеще шептала Ирка и всячески пыталась расшевелить застоявшееся болото.

На День учителя нам выдали премию. По нынешним временам она была смехотворна, и педколлектив, вздыхая и томясь, стал прикидывать, на что ее можно потратить.

— В ресторан сходить, — тут же влезла Ирка. — В конце концов — наш праздник.

— Только с нашей премией в ресторан и идти, — хмыкнула Зойка, англичанка и мать-одиночка.

— А ты своих добавь, — съязвила Ирка.

— А то они есть.

— Зарплату дали.

— А жить на что, умница? Тебе хорошо одной, пустой картошки натрескаешься, а у меня ребенок, ему витамины нужны.

— Ну... заладила, — разозлилась Ирка. — Что за люди? Раз в году можете себе праздник устроить?

— А мне и пойти не в чем, — подняв голову от тетрадей, вздохнула Светка. — Вот в этом платье, что ли? Срамота... Девчонки сейчас так одеты, а мы в обносках... Да кто на нас в твоём ресторане посмотрит? Только комплексы наживать.

— Кончай ныть, ты баба видная, а платье — тьфу... что-нибудь подыщем.

Светка усмехнулась, но задумалась и весь день

была тихой. Обычно к пятому уроку она так орет, что в стену стучать приходится, а в тот день была ласкова, дети даже перепугались и тоже затихли. В общем, тех, кому еще не стукнуло пятьдесят, идея увлекла. Стали гадать, куда пойти.

— Места заранее заказать надо, — разволновалась Зойка. — Вдруг не одни мы такие умные...

— Вот именно. Заявимся в ресторан, а там одни бабы.

— Хорош базарить! — рявкнула Ирка, радуясь, что дело сдвинулось с мертвой точки. — Я вас в такое место поведу, где мужиков полно будет.

На лицах окружающих читалось недоверие пополам с надеждой.

Меня предстоящий поход не очень волновал. Я-то знала: даже если мы окажемся там, где ошивается сотня красивых и до пятницы совершенно свободных мужиков, я непременно подберу одного — невзрачного, несчастного и безденежного.

Между тем Ирка свое слово сдержала: вывела нас в люди. В последний момент у большинства коллег нашлись срочные дела, и в ресторан мы отправились вчетвером. Ирка в сногшибательном вечернем платье, Светка в привычном костюме с сумкой под мышкой, не знающая, куда деть руки, Зойка в моей блузке, то и дело нервно протирающая очки, и я, на редкость спокойная, потому что твердо знала: ничего хорошего мне здесь не светит.

Мы подъехали на такси к огромному девятиэтажному зданию бывшей гостиницы «Интурист». Через весь фасад горели буквы: «Казино».

— Куда это мы? — испугалась Зойка.

— А то не видишь? — Ирка грозно нахмурилась.

— Так ведь в ресторан хотели...

— Будет тебе ресторан... Сто лет в этом городе живешь и не знаешь, где чего есть... Срамота.

Ресторан в самом деле был. Огромный и почти целиком заполненный. Мне стало ясно, что Ирка сваляла дурака: мужики в ресторане, конечно, были, может, и свободные, но нас здесь вряд ли кто из них сможет разглядеть.

Подошел молодой человек в дорогом костюме, окинул нас оценивающим взглядом и без особой радости поприветствовал, после чего проводил к столу в самом центре зала. По соседству, за сдвинутыми столами, готовились отмечать День учителя наши бывшие преподаватели из пединститута, в основном женщины, возбужденные и веселые. Справа, почти в полном составе, восседал коллектив средней школы номер двенадцать.

— Они что, все с ума посходили? — ахнула Ирка, девчонки приуныли, а я начала осваивать меню. Разочарования я переношу легко, потому что заранее к ним готова. В тот вечер я намеревалась получить максимум удовольствия: на людей посмотреть, музыку послушать и съесть что-нибудь вкусненькое.

Через час девчонки решили, что нам точно не повезет, и с отчаяния приналегли на водку. Пошли разговоры по душам, и в мужской половине человечества надобность отпала. Еще через два часа мы пришли к выводу, что вечер удался, «хорошо сидим» и все такое, Ирка высмотрела парня через стол от нас и принялась ему улыбаться. Он проникся и пригласил ее танцевать. К нам Ирка больше не вернулась, отбыла через полчаса, сделав на прощание ручкой. Зойка со Светкой завистливо вздохнули и единогласно решили, что Ирке везет, а вот нам — нет и пора отправляться по домам.

Отвалив премию и часть зарплаты официанту, мы, поддерживая с двух сторон Зойку, направились в гардероб. Бог знает откуда возникли два мужичка, сильно навеселе. Зойка повисла на плече одно-

го из них и затеяла разговор по душам. Он оказался на редкость душевным парнем, его дружок тоже, ухватил меня за локоть и пытался что-то сказать, при этом чуть не плакал: то ли от избытка душевности, то ли от количества выпитого. Я весьма кстати вспомнила, что оставила сумку в зале, и вернулась в ресторан, перепоручив плачущего парня Светке.

Сумка висела на стуле, никто на нее не посягал. И правильно: взять все равно нечего. Вернувшись к гардеробу, ни подруг, ни парней я не застала. Вышла на улицу и успела заметить, что они загружаются в такси, начисто забыв обо мне. Не могу сказать, что меня это огорчило.

Я свернула за угол, с намерением кратчайшим путем достигнуть остановки, и тут подумала, что путь мне предстоит неблизкий и не худо бы сходить в туалет. Поэтому я вернулась в ресторан. Извинилась на входе, сообщила швейцару, что оставила косметичку, а убедившись, что он, потеряв ко мне интерес, смотрит в другую сторону, быстренько свернула в коридор и заспешила ко второй справа двери с изображением дамы в кокетливой шляпке.

Туалет был пуст, это дало мне возможность рассмотреть себя в зеркале, улыбнуться, поправить прическу, подкрасить губы и с чувством выполненного долга покинуть данное место.

Я закрыла дверь, на ходу достав перчатки из сумки, сумка соскользнула с плеча, и из нее вылетел тюбик с губной помадой. Я резко повернулась направо и треснулась лбом о лоб молодого человека, который джентльменски поднимал мою помаду.

— Извините, — проблеяла я, а он засмеялся, потирая ушибленное место.

— Ерунда. В таких случаях говорят: родными будем.

Не знаю, как он, а я была бы не против того, чтобы заполучить такого родственника. Парень

был года на три старше меня, высок, красив, одет в дорогой костюм, белую рубашку с галстуком, на котором сверкала булавка с бриллиантом, вроде бы настоящим, а вот обручальное кольцо отсутствовало, и это почему-то обрадовало, хотя повода для радости я не видела. Ну тюкнулась лбом с симпатичным парнем, это вовсе не значит, что мне вдруг повезет. Никогда мне не везло и сегодня не повезет. Так что есть кольцо или нет, меня это тревожит мало.

Я торопливо застегивала сумку, парень меня разглядывал, а я с тоской подумала, что пальто ношу с четвертого курса и против его булавки оно не тянет. «Ну и черт с ним!» — мудро рассудила я и, сказав еще раз «извините», гордо зашагала к выходу.

— Варя, — вдруг позвал он, а я от неожиданности замерла и вроде бы даже вытаращила глаза.

Парень заспешил ко мне, широко улыбаясь.

— Я слышал, как вас называли подруги, — пояснил он, вновь оказавшись рядом. — Если честно, я за вами наблюдал весь вечер.

«Лучше б ты пригласил меня танцевать», — мысленно съязвила я, а вслух произнесла нейтрально:

— Да?

— Да. Наблюдал, но подойти не решился.

Я нахмурилась, парень явно морочил мне голову. Как-то не верилось, что такой тип может страдать застенчивостью, а про себя я точно знала: выгляжу я училкой, и ничего с этим не поделаешь. Можно, конечно, снять очки и выдать лучистую улыбку, она у меня неплохо получается, но через полчаса он все равно сообразит, кто перед ним, так что и напрягаться не стоит.

— Ну и как? — на всякий случай поинтересовалась я, неотрывно глядя на его галстук. Этот самый галстук меня и доконал: с мужчинами у меня всегда

были проблемы, а в галстук я могла припомнить только одного: нашего бывшего трудовика, уволенного за пьянство в начале зимы. Но у того галстук был похож на тряпку и вечно сбивался на сторону.

— Что как? — второй раз переспросил парень.

Увлечшись созерцанием его галстука, я начала страдать глухотой в легкой форме.

— Как наблюдение? — вздохнула я.

— По-моему, вы очень красивая.

«Возможно, — согласилась я опять-таки мысленно. — Только вот из этого заведения пойду одна».

— За красивую спасибо, — ответила я и направилась к двери. — Извините, мне пора домой.

— По-моему, ваши подруги уже отбыли.

— Точно, а я тороплюсь на последний троллейбус.

— Что, если я вас провожу?

В этом месте я пожала плечами и совсем уж хотела обрадоваться, но тут же себя одернула: «Он женат. И к тому же бабник. А кольцо не носит из хитрости». Я заспешила к выходу, а он произнес вдогонку:

— Я вас на углу буду ждать, ближе к остановке.

С этими словами парень исчез в боковом коридоре, а я, раскрасневшаяся и малость растерянная, выпорхнула из ресторана. Глубоко вздохнула и для начала посмотрела по сторонам. Парень был в костюме и исчез в коридоре. На улице холодно, а за пальто он в гардероб не пошел. Выходит, верхняя одежда пребывает у него где-то в другом месте. Значит, он из гостиницы. Приехал в наш город по делам и заодно решил развеяться. Ну и что нам светит, многоуважаемая Варвара Сергеевна? Краткий роман с заезжим ловеласом? В общем, ничего нам не светит. Так что топай на троллейбус и забудь про этого типа.

В этот момент я как раз достигла угла, и вышеозначенный тип возник передо мной точно из-под земли. А я обрадовалась и сказала:

— Привет.

Он засмеялся и тоже сказал:

— Привет, — и взял меня за локоть. Осторожно, даже с робостью и без всякого намека на нахальство. Вот тогда я и решила, что мне, пожалуй, повезло. — Где вы живете? — спросил он, я ответила, а он вроде бы порадовался: — На троллейбусе пять остановок. Что, если мы немного прогуляемся? Или на такси?

— Прогуляемся, — ответила я, радуясь, что парень хорошо ориентируется в городе. Может, он вовсе и не приезжий.

— Меня зовут Саша, — сообщил он, притормозив, и засмеялся. Я тоже засмеялась и окончательно уверилась: повезло. Знай я тогда, что это за везение, бросилась бы от него со всех ног.

Мы не спеша двинулись по проспекту. Я неожиданно для себя разговорилась, чувствуя необычайную легкость, одним словом, была в ударе. Он коротко поведал историю своей жизни. Родился, вырос и живет в нашем городе, сегодня встречался с партнером по бизнесу из Москвы, партнер малость перебрал и теперь отдыхает в гостинице, а Саша безумно рад, что в этот вечер оказался в ресторане, иначе как бы мы с ним встретились?

Чем ближе подходили к моему дому, тем отчетливее я понимала, что наконец влюбилась. И вовсе не потому, что у него дорогой костюм и он какой-то там бизнесмен, а потому, что могу болтать с ним о чем угодно, держать за руку, смеяться и в самом деле чувствовать себя красивой.

Когда мы остановились возле подъезда, я испугалась, что все разом кончится. Саша скажет мне «до свидания», запишет телефон, по которому ни-

когда не позвонит, а потом скроется из моего двора и из моей жизни, а я подожду звонка денек-другой, потом вздохну и скажу самой себе: «Что ж, не повезло...» Мне хотелось зареветь от жалости к себе, но это было глупо, и реветь я не стала.

— Где ваши окна? — спросил он с заметной грустью.

— На пятом этаже. Вон те, видите...

— Мама уже спит?

— Мама на даче. Она у меня на инвалидности и до первого снега предпочитает жить в деревне. А я к ней езжу каждый выходной.

— Ясно. А ничего, если я попрошусь в гости? На пять минут. Телефон у вас есть? Вызову такси, уже поздно, а мне добираться на другой конец города.

— Телефон есть, и вызвать такси вы, конечно, можете.

Мы поднялись в квартиру, но бросаться к телефону Саша не спешил. Снял пальто и прошел в гостиную, улыбался так хорошо, что язвить насчет такси, а тем более выставлять его за дверь совсем не хотелось. Поэтому я пошла в кухню варить кофе, накрыла на стол и замерла на мгновение, глядя в окно. Саша подошел сзади, обнял меня, я вздрогнула, может, от испуга, а скорее от счастья, и повернулась к нему. И он меня поцеловал. Сначала один раз и очень нежно. Потом поцелуи стали жарче, а объятия теснее. «А почему бы и нет?» — решила я и махнула рукой на свое невезение.

В любом случае в ту ночь мне повезло, да так, что и не снилось. То есть я, конечно, мечтала о чем-то подобном, но через час поняла, какими дурацкими и детскими были эти мечты, на самом деле все было гораздо проще и прекраснее... В общем, я провела восхитительную ночь. С утром было сложнее.

Разбудил меня телефонный звонок. Я вскочила, с перепугу спутав его с будильником, и, только дважды тряхнув головой, сообразила, что сегодня суббота, выходной день и вскакивать по тревоге не имело смысла. Вспомнив об этом, я припомнила кое-что еще и удивленно огляделась. Постель рядом была пуста.

— Саша! — крикнула я и взглянула на часы. 7.30. Где Саша и кого угораздило звонить в такое время?

Я схватила трубку и услышала Иркин голос.

— Варька, ты как? — пьяно спросила она.

— Никак, — огрызнулась я.

— Слышь, подруга, ты одному мужику понравилась. Крутому. Познакомиться с тобой хотел, да, видно, проворонил, исчезла ты прекрасным видением. Веришь — нет, расспрашивал о тебе. Валька, официант, который нас обслуживал, он меня немного знает, так вот Валька сказал, что ты моя подруга. И этот приперся ко мне. Мужик-то... Адрес твой спрашивал. Жди в гости. Чувствуешь, какую я о тебе заботу проявляю? Цени.

— Сдурела ты, что ли? — крикнула я и бросила трубку.

После чего побежала в ванную. Свет не горел, вода не включена, и Саши там, конечно, не было. В кухне и остальных местах моей квартиры тоже. И ничто, кроме моих воспоминаний, на его присутствие не указывало.

Я немного побегала, стараясь обнаружить послание или хотя бы номер телефона, записанный впопыхах на клочке бумаги. Ничего.

В прихожей я сползла на пол и горько заплакала, но минут через десять обругала себя матерно и пошла умываться. После чего еще раз обследовала квартиру на предмет пропавших вещей. Все вещи

пребывали в сохранности, и это слегка утешило: не хватало только объяснений с мамой.

Я перебралась на постель и заревела вторично, тихо и горько, и редела до тех пор, пока не услышала звонок в дверь. От неожиданности я сначала подскочила, а потом со всех ног кинулась в прихожую. Воображение услужливо рисовало одну картину радужнее другой: Саша на пороге с огромным букетом и счастливой улыбкой и все такое прочее.

На пороге стояли трое ребят, крепких и суровых, а счастливыми улыбками даже не пахло. Только я собралась задать банальный вопрос: «Вам кого?» — как ближайший ко мне парень пнул меня ногой в живот, и я, охнув, влетела в зеркало родной прихожей, причем с такой силой, что разбила его, на пол посыпались осколки, бравые ребята вломились в квартиру, двое рассредоточились, а третий схватил меня за волосы и спросил:

— Где он?

— Кто? — в полном недоумении проблеяла я и получила кулаком в челюсть. Лишилась пары зубов и быстро уразумела, кто здесь задает вопросы.

Через двадцать минут у меня не было от гостей никаких секретов. К сожалению, их интересовал только один, но я его не знала. Парням потребовалось более двух часов, чтобы убедиться в этом. Что происходило в этот временной промежуток, мне вспоминать не хочется, скажу только, что я очень сожалела о своей живучести и боялась, что никогда не умру.

Квартиру я покинула в бессознательном состоянии. Почему они просто не оставили меня подыхать в родном доме, а, рискуя обратить на себя внимание, поволокли куда-то, ответить не берусь. Может, полутрупы в квартирах оставлять им не положено, а может, ребята были шутники, в общем, меня загрузили в машину и вывезли за город. В двух

километрах по объездной дороге притормозили на мосту и сбросили мое брненное тело с очень приличной высоты. Так как я все еще пребывала без сознания, парни с чувством выполненного долга удалились в твердой уверенности, что судьба нас больше не сведет (так оно, кстати, и вышло): если через какое-то время я и всплыву, поведать миру о своих гостях никоим образом не сумею.

Однако я не оправдала их надежд. Ополоснувшись в холодной водичке, я совершенно неожиданно пришла в себя и даже каким-то образом смогла добраться до берега. Этот эпизод я практически не помню, что, впрочем, неудивительно, и склонна считать, что чудесным спасением обязана вмешательству свыше. Именно благодаря этому самому вмешательству в тот момент вблизи берега объявился милицейский патруль. Что они там делали, сказать трудно, главное, что углядели меня, вызвали «Скорую», та прибыла в рекордно короткие сроки, и я очень быстро оказалась на больничной койке, где и провалялась два месяца.

За это время меня несколько раз посещали сотрудники милиции, и я в меру сил пыталась им помочь, то есть рассказывала снова и снова про визит незваных гостей и про то, что последовало далее.

Мои воспоминания были весьма смутными, никто из соседей ничего не видел, никто из водителей при довольно бурном движении не углядел в тот день на мосту ничего подозрительного, и парней, естественно, не нашли. Зато я кое-что смогла узнать о Саше и даже полюбоваться на его фотографию, любезно предоставленную мне сотрудником милиции в целях опознания.

Александр Викторович Завражный, по кличке Монах (почему Монах — понять трудно, мой возлюбленный на одну ночь мог похвастать огромным количеством любовных походов), так вот этот

самый Монах давно и принципиально был не в ладах с законом, а к моменту нашей встречи находился в весьма прохладных отношениях с некоторыми боевыми друзьями, и они имели к нему претензии, а меня угораздило пригласить его к себе как раз в тот момент, когда бывшие друзья прямо-таки горели желанием с ним повидаться. В общем, не повезло мне.

История эта длительное время имела популярность в городе, о ней писали в газетах, болтали в троллейбусах, а на моем примере неразумных женщин предостерегали от случайных знакомств. Мне в роли случайной жертвы бандитских разборок было очень больно и, что еще хуже, стыдно.

Где-то дней через двадцать, когда я начала приподниматься в постели, я смогла увидеть свое лицо в зеркале и упала в обморок. Вид жуткой физиономии и последующий засим стресс несколько замедлили период выздоровления. Врачи, отнесшиеся ко мне с большой чуткостью, утверждали, что следов практически не останется, время все залечит, челюсть мне собрали, склеили и сшили, зубы можно вставить, а глаза, слава богу, целы. Еще две операции, и меня поставят на ноги.

Я слушала, кивала и пыталась понять, как это все могло произойти со мной?

Больницу я покинула, но дома стало еще хуже: я боялась находиться в квартире, боялась из нее выйти, боялась звонков в дверь и звонков по телефону, а также боялась смотреть в зеркало и тяготела к стенному шкафу, в темноте которого чудилась безопасность. Ночью мне снился один и тот же сон, я металась, орала и изводила соседей, потому что дом у нас панельный и слышимость хорошая.

В одно раннее утро, в самом начале весны, пользуясь тем, что мама лежит в больнице и я предоставлена самой себе, я вышла на балкон и с некото-

рым облегчением сиганула с него вниз. Однако прямо под балконом росло дерево, а снег еще не сошел. Ничего не сломав, я оказалась в первой психиатрической больнице, в палате номер шесть, в компании совершенно сумасшедшей девицы лет девятнадцати, повредившей рассудок на почве безумной страсти и религиозности. Она собиралась стать монахиней, но вдруг влюбилась, с любовью не повезло, и в результате она теперь прохлаждалась на соседней койке.

Мы вели с ней долгие беседы, философствовали, плохо спали по ночам и прониклись друг к другу большой симпатией. Именно сумасшедшая Валька сказала мне как-то ночью:

— Бог тебя дважды спас от смерти. Значит, ты не просто так сюда явилась, а есть у тебя на земле какое-то дело, и он, бог то есть, в отношении тебя имеет виды. То есть не просто так на свет тебя произвели, а с какой-то надобностью. И ты с балконов сигать завязывай, а прислушайся. Бог даст тебе знак, и тут главное не ловить ворон, а внимательно слушать и строго следовать. Слышишь, Варвара?

— Слышу, — кивнула я. — У тебя диагноз какой? По секрету скажу: ты ему соответствуешь.

Однако думать о том, что господь проявлял заботу и спасал меня, было приятно, правда, кое-что меня мучило, и я спросила Вальку не без ехидства:

— Если у господя в отношении меня какие-то планы, почему б ему не избавить меня от неприятностей? Сделать так, чтобы всякие психи не крушили мне челюсть, и все такое, а я бы шла к намеченной цели без увечий. По-моему, пользы от меня было б несравненно больше.

— Дура ты! — рассвирепела Валька. — Он посылает тебе испытания. Неужели не ясно? Выполнить божью волю ох как непросто, и ты должна соответствовать.

— А он тебе ничего не говорил, как долго будут длиться эти испытания? — поинтересовалась я. В ответ Валька швырнула в меня подушкой и вроде бы обиделась. Я отвернулась к стене, заметив ворчливо: — Если у тебя с господом есть прямая связь, намекни ему, пожалуйста, что я не люблю ждать.

— Надо иметь терпение и быть внимательной, — поучала Валька. — Вот увидишь, знак будет.

Явились ли последующие события божьим перстом — судить не берусь. Вот так запросто, чтобы я могла понять, господь мне ничего не сказал, но далее начались вещи удивительные и даже странные. Как именно господь беседует с нами, грешными, я не знала, а потому вскоре поверила Вальке, что все происходящее — не иначе как божий промысел.

А начались чудеса утром в среду. Мы готовились к обходу, Валька рассматривала потолок, как всегда, с заметным интересом, а я неожиданно для себя сказала:

— Да не бойся ты этих уколов. Смотри в сторону и думай о чем-нибудь нейтральном. А то тарачишься на иглу и сама себя пугаешь.

— Откуда ты знаешь, что я боюсь? — спросила она.

— От верблюда, — хмыкнула я.

Вместо того чтобы ответить что-нибудь заковыристое, Валька переместилась ко мне на кровать, уставилась на меня пронзительно и даже дико и ласковым голосом повторила:

— Откуда ты знаешь, что я боюсь уколов? Я тебе об этом не рассказывала.

— Слезь с моих ног, больно, ноги у меня много-страдальные, и их жалко.

Валька примостилась сбоку, не отрывая от моего лица горящего взора, и еще раз спросила:

— Как ты узнала?

— О господи, — покачала я головой. — Догадалась, заметила, сообразила...

— Да? — Валька нахмурилась, подрыгала ногой, а потом сказала: — А ты знаешь, как я пошла в первый класс?

— Как все, — разозлилась я.

— Понятно, как все. А что-нибудь такое со мной случилось?

Я немного подумала, пытаюсь вспомнить.

— А... ты в лужу упала, возле самой школы. Был солнечный денек, дворник с утра полил цветочки, на асфальт натекла лужа, и ты в нее угодила животом. Мама сбегала домой и принесла форму твоей старшей сестры, которая училась во вторую смену, быстренько передела тебя в туалете, а ты ревела, потому что форма была тебе велика и вообще обидно.

В продолжение моей речи Валькины глаза разгорались все ярче, а улыбка, вначале слабая и нерешительная, стала широкой и лучезарной.

— Ну и откуда ты это знаешь? — бодро поинтересовалась она.

— Ты и рассказала.

— Как бы не так. Ничего я не рассказывала. А что ты еще про меня знаешь?

— Да все, — немного подумав, ответила я. — Это неудивительно. За месяц, который ты обретаешься по соседству, только и делаешь, что болтаешь.

— Память у меня хорошая, — хмыкнула Валька. — И про мой поход в школу я тебе точно не говорила... Да бог с ним. Нужен пример, после которого у тебя глаза откроются.

— Какие глаза? — насторожилась я.

— Твои. Ты считаешь, что я сама все разболтала, а я знаю, что это не так. Необходим пример, который тебя убедит. О чем я точно никогда не говорю?

— Ну... о своей любви, то есть о том парне...

— Правильно. А теперь расскажи, как мы с ним познакомились.

Я нахмурилась, прикрыла глаза и прислушалась к чему-то внутри себя. Происходило нечто странное...

— Ты упала со стула в столовой, все засмеялись, ты лежала дура душой, а он подошел и помог подняться.

— Точно, — взвизгнула Валька и даже вскочила с кровати. — Вот он — знак!

— Сейчас Татьяна придет, попрошу ее лишний укол сделать, крыша у тебя всю съезжает.

Валька схватила свою подушку и дважды меня ею огрела, после этого спросила в крайней досаде:

— Ну что еще надо, чтобы ты поняла?

— Ладно, уймись. Я Жанна д'Арк, божья избранница. Только не хочу гореть на костре. Пусть меня лучше еще раз с моста сбросят.

— Ты хоть понимаешь, что с тобой происходит? — чуть не плача, спросила Валька. — Ты можешь читать мои мысли.

— Это нетрудно, — заверила я. — Их немного, и все они глупые.

— Хорошо. Ты умная, а я дура. Сейчас придет Татьяна, попробуй на ней. Уж она-то точно не ведет с тобой душевных бесед.

Татьяна, медсестра нашего отделения, пришла минут через пятнадцать, я уставилась на нее, а Валька на меня. Она ерзала, моргала и громко сопела. Наше поведение вызвало у Татьяны легкое недоумение, потому что от нашей палаты никакого беспокойства не было и сюрпризы не ожидались, лежат себе люди тихо-мирно, не буйствуют.

Посмотрев на нас с сомнением и вроде бы успокоившись, она стала заниматься привычным делом, а я наблюдать за ней. Через пару минут я спросила:

— Вы забыли выключить утюг?

— Что? — ахнула она, нахмурилась и настороженно поинтересовалась: — А ты откуда знаешь?

— Да я не знаю, — пришлось ответить мне. — Просто вы так себя ведете, точно пытаетесь что-то вспомнить, вот я и спросила...

— Все утро сама не своя, угораздило перед уходом блузку погладить. Торопилась... убей не помню, выключила или нет.

— Выключили, — убежденно кивнула я, потому что в этот момент она вспоминала, как надевала блузку, а правой рукой выдернула шнур, вспомнила и сомневалась одновременно, а у меня повода сомневаться не было.

— В одиннадцать муж с работы приедет, позволю...

— Ну что? — взвизгнула Валька, едва дождавшись, когда дверь за медсестрой закроется.

Я пожала плечами:

— Чудеса...

— Еще какие. Это божий дар. Говорила, у господы на тебя виды, так и есть.

— Знать бы какие, — забеспокоилась я.

— Вставай с постели, пойдем к людям, проверим на остальных.

Весь день мы шатались по отделению. Очень скоро сомнения у меня отпали, каким-то образом я узнавала мысли людей. Что-то теплое обволакивало мозг, а потом начинало пульсировать и выпирать из общей массы... Звучит глупо, но происходило это примерно так.

Перед вечерним обходом мы вернулись в палату, и Валька принялась меня поучать.

— Ты пока помалкивай, господь укажет, когда надо открыться, а может, и вовсе не надо, еще неизвестно, какая у тебя миссия. Только будь внимательней... не проворонь, у меня теперь вся душа из-

болится, вдруг ты знака не увидишь... Нет в тебе чуткости. Не будь меня рядом, ты бы так ничего и не поняла...

— Слава богу, мой верный Санчо Панса на соседней койке и все знаки углядит.

— Неизвестно, должна я быть рядом или нет. Мне знака не было.

— Будет, — хмыкнула я. Конечно, Валька самая настоящая сумасшедшая, но мне нравилась, потому что девка она добрая. И лучше пусть болтает о божьем промысле, чем бьется головой о стену.

— Тебе надо тренироваться, — подумав, заявила она.

— Как это?

— Знаешь, как иностранному языку обучают? Говорят с человеком только на этом языке, например, по-английски. Понимаешь?

— Зачем мне английский? — развеселилась я.

— Что ты дурака-то валяешь? Вот если б меня господь избрал, я б зубы не скалила, а молилась и тренировалась каждую минуту.

Валька даже покраснела с досады, и я торопливо согласилась:

— Давай тренироваться.

— Я с тобой разговаривать не буду.

— Почему? — расстроилась я.

— Что ты меня изводишь, неужели не понятно?

Ты со мной говоришь, а я отвечаю мысленно, и словами тебе помогать не буду. Теперь дошло?

Идея не показалась мне особенно удачной, вдруг кто из врачей заметит, что я сама с собой беседы веду, и я состарюсь в психушке, но расстраивать Вальку не хотелось, я согласилась, и с этого вечера мы начали тренироваться.

Очень скоро это занятие увлекло меня, а успехи в обучении выглядели прямо-таки фантастическими. Если поначалу для того, чтобы понять мысли

человека, требовалось сосредоточиться, закрыть глаза и сидеть в тишине, то через пару дней надобность в этом отпала. Возникла другая проблема: если в комнате было несколько человек, мысли их сплетались в тугой клубок и оглушали, но и с этим осложнением я справилась относительно быстро. Могла говорить, что-то делать, смеяться или читать книгу, и вместе с тем прислушиваться.

Дни перестали быть серыми и унылыми, утро я встречала с оптимизмом и уже не смеялась над Валькиными речами о «знаке», а молча кивала и вроде бы в самом деле ждала.

Как-то во время тихого часа мы болтали, то есть это я болтала за двоих, а Валька пялилась в потолок и молчала как рыба. В самом интересном месте я вдруг решительно прервала поток ее молчаливого красноречия.

— Врешь ты все...

— Точно, — ахнула она и даже встала с постели. — А как ты догадалась?

— Не знаю как, — озадачилась я. — Знаю, что врешь, и все. То есть ты говорила правду и вдруг соврала, и это было ясно, вроде ты думаешь одно, а вместе с тем где-то рядом мысль — это неправда.

— Здорово, — захихикала Валька, хлопнула в ладоши и даже взвизгнула от неумемной радости. — Это ведь я нарочно, чтобы проверить, сможешь ты распознать или нет.

Явное сумасшествие странным образом уживалось в ней с хитростью и практицизмом.

Тренировки продолжались до того самого дня, когда Вальку выписали из больницы. Я не скрывала, что это событие ничуть меня не радует, и высказала надежду, что мы непременно встретимся, лишь только я покину данное лечебное заведение. Но Валька решительно заявила:

— Нет. Все, что бог возложил на меня, я выполнила. Теперь ты должна быть одна.

— Ты что, получила с небес телеграмму? — разозлилась я.

— Я сон видела. Вещий. Вчера думала о тебе и о себе, конечно, и о том, что будет с нами, а ночью сон. Стоим в поле, ты и я, а перед нами две дороги. Ты пошла по одной, и я за тобой вроде, и вдруг голос: «Тебе не туда...» В общем, отправилась ты налево, я направо.

— И из-за какого-то дурацкого сна ты больше не хочешь со мной видеться? — не поверила я.

— Это не сон, а знамение, и вовсе не дурацкое. У тебя миссия, может, великая, а я, видно, в спутницы не гожусь, поэтому должна отойти в сторону, чтоб под ногами не путаться.

Я посидела, помолчала и твердо заявила:

— И куда врачи смотрят? Разве можно тебя выписывать, ты ж дура душой.

Несмотря на мои увещевания и даже угрозы, Валька осталась непреклонной, в день ее выписки мы простились навеки и больше никогда не виделись. Хотя какие наши годы, может, еще и доведется встретиться в какой-нибудь психбольнице.

Вальку выписали, и хоть была самая настоящая весна, городские психи вели себя тихо, обострений не наблюдалось, палаты были наполовину пусты, а я так и осталась без соседки. Поэтому и обратила внимание на Дока.

Кличку он получил задолго до моего водворения здесь. Конечно, при больных никто из персонала его так не называл, но мне ведь разговоры не нужны. Док был врачом и, по-моему, наполовину психом. Со странностями, одним словом. Лет сорока, невысокий, худой, задумчивый, что называется, «весь в себе», лицо интеллигентное, красивое, даже лысина выдающихся размеров впечатления

не портила. Он носил очки, постоянно держал руки в карманах халата, а слушая, склонял голову набок, почти к самому плечу. Говорил мало, тихо и ласково, в отделении его все любили: не только больные, но и персонал, что было делом выдающимся, вообще-то народ здесь друг друга не жаловал.

Ко мне врачи относились чутко, а он и вовсе изо всех сил старался вдохнуть в меня бодрость и оптимизм, хотя у самого с этим было негусто. Док недавно развелся с женой, у которой, как выяснилось, уже года три был любовник. Детей супруги не имели, в общем, был он один-одинешенек и жизни особо не радовался. На жену не обижался, считал во всем виноватым себя, потому что с некоторых пор у него были проблемы, причем такие серьезные, что с ними только к врачу, а Док, как ни странно, лечиться не желал, стыдился и маялся, что мне было совершенно непонятно. Ведь сам врач и должен понимать. Но не понимал.

Так как Док, будучи на редкость одиноким, никуда не спешил, этим беспардонно пользовались все кому не лень, и работал он за двоих. Когда у него было время, заходил ко мне, и мы подолгу беседовали. К этому моменту чужие мысли мне здорово надоели: по большей части в них не было ничего интересного. И я начала тренироваться в другом направлении: училась не обращать на них внимания.

В мысли моего лечащего врача я не лезла, считая это неэтичным, зато разговаривала с ним с большой охотой. Вальки рядом не было, никто мне не талдычил об избранности, и я испугалась: а вдруг это вообще никакой не дар, а просто я свихнулась окончательно и бесповоротно. В соседнем отделении у нас Наполеон лежит, у него что ни день, то Ватерлоо, а я вот — мысли читаю... Если я точно спя-

тила, так лечащий врач должен был это заметить, кому и знать такие вещи, как не ему.

Я решила поговорить с Доком при первом удобном случае. Таковой подвернулся очень скоро. Док зашел ко мне вечером, во время своего дежурства, бодро улыбнулся и сел на стул, придвинув его ближе к кровати.

— Вижу, настроение у вас неплохое, — заметил он. — Может, перевести вас в третью палату к Новиковой, повеселее будет?

— Спасибо, пока не скучаю, — заверила я, помолчала немного и задала вопрос: — Леонид Андреевич, чего мне здесь кололи?

— Что? — насторожился он.

— Ну... какие лекарства?

— Обычные лекарства, — нахмурился он. — А в чем дело, Варя?

— Док, — брякнула я, — как считаете, я чокнутая?

— Нет, разумеется. Хотя в какой-то степени все мы немного сумасшедшие. А вот Доком называть меня не стоит, я так полагаю, это сокращенное «доктор», а я врач. Разницу между врачом и доктором вы, как грамотный человек, должны знать.

— Знаю, — согласилась я. — Извините, нечаянно вырвалось, вас так все зовут, я имею в виду персонал, и мне нравится вас так называть, потому что в детстве я фильм видела «Моя дорогая Клементина» с Генри Фондой в главной роли... Не помню, кто там играл Дока... очень мне фильм нравился и этот самый Док. Потом американцы еще фильм сняли по тому же сюжету, и актеры классные, а всё не то... Может, просто детство кончилось?

— Наверное, — невесело усмехнулся он. — А фильм этот я прекрасно помню, хороший фильм. Что ж, если хотите, зовите Доком, я не против.

— Спасибо... — Я немного понаблюдала за

мухой на стене и осторожно спросила: — Значит, окончательно я не спятила?

— Почему вы спрашиваете, Варя? — вроде бы забеспокоился он.

— Док, вы только санитаров сразу не зовите... дело в том, что я могу читать чужие мысли... По голове меня много раз били, и она, конечно, ослабла, вот я и решила, может, сей факт в сочетании с каким-либо лекарством дал такой эффект? Думать о том, что я попросту свихнулась, как-то не хочется.

— Вы это серьезно? — промолчав пару минут, спросил он.

— Еще бы. Хотите скажу, о чем вы сейчас думаете?

— Попробуйте, — слабо улыбнулся он, и я сказала. Док густо покраснел, извинился и ушел, но санитаров не вызвал, и это вселяло надежду.

Появился он только через два дня (правда, на обходе присутствовал, но в мою сторону вроде бы даже не смотрел), вошел, сел на стул, нахмурился и сказал:

— Это невероятно.

— Точно, — согласилась я. — Какой-то наркотик, а, Док? Не может человек ни с того ни с сего начать читать чужие мысли.

— Травма, стресс, лекарства... Бог знает! Хотя лекарства были самые обычные.

— И я точно не спятила?

— Варя, — укоризненно покачал он головой. — Случай совершенно невероятный... Возможно, ученые смогут разобраться...

— Вы что, — перебила я, — хотите сделать из меня подопытную крысу? Вот уж спасибо.

— Но...

— Ладно, сделаем вид, что это была неудачная шутка. В целом вы меня утешили: с точки зрения

лечащего врача, я не спятила окончательно, а там сама разберусь.

— Но... это так необычно...

— Чего вы боитесь? — перебила я.

— Я боюсь? — Он вроде бы удивился.

— Док, — поморщилась я. — Вы что, забыли?

— Ах да... Жутковато немного, когда знаешь, что кто-то способен читать твои мысли.

— Но ведь не это вас беспокоит?

— Возможно...

— Ясно. — Я тяжело вздохнула и наставительно изрекла: — Хорошую информацию добыть непросто, а сделать с ней что-нибудь путное и того труднее. Улавливаете, Док? Вокруг меня обычные люди, и мысли у них обычные. Конечно, у каждого есть секреты, но они вполне естественные... В общем, все довольно скучно.

— Да? — Он старательно протирал очки носовым платком, а я фыркнула и сказала:

— Док, ну какой из меня разведчик? И как вы себе это вообще представляете? Я иду в ФСБ и говорю: ребята, могу читать мысли, отправьте меня на передний рубеж, к главному недругу. По-моему, очень глупо.

— Что же тогда? — спросил он.

— Не знаю. Может, буду в цирке выступать, деньги зарабатывать.

Он засмеялся, а я немного обиделась, потому что о цирке думала серьезно.

В общем, в тот вечер мы так ничего и не решили. Ночью я спала плохо, где-то ближе к утру мне стало трудно дышать, сердце ныло и вроде грозило остановиться, я уже хотела позвать медсестру, но передумала. Легла, закрыла глаза и тут услышала зов. Кто-то торопливо, настойчиво звал меня по имени. А потом все кончилось.

Я лежала еще некоторое время, прислушива-

ясь, и заплакала, потому что поняла: теперь я одна на всем свете.

Док задержался в больнице и вечером пришел ко мне. Бодро улыбнулся и сказал:

— Я на минутку, просто узнать, как дела.

— Моя мама умерла? — спросила я, он вроде бы собрался выскочить за дверь, но нахмурился, а потом кивнул.

— Мы решили, что вам пока лучше не знать об этом. Как вы... ах да... Варя, я сейчас говорю как врач и... как друг. Вам нельзя присутствовать на похоронах. У человека есть предел прочности. Вы и так... я имею в виду с вами происходят необычные вещи, не стоит рисковать. Вы понимаете?

— Конечно. Вы можете ничего не говорить, и я пойму. Хорошо, сделаем вид, что я ничего не знаю, если вы считаете, что так правильнее.

— Считаю, — кивнул он и ушел, а я стала разглядывать потолок.

Была середина мая, по стене прыгали солнечные зайчики, в палате нечем было дышать, и меня потянуло на волю.

— Док, когда меня выпишут? — спросила я.

— Хоть завтра, — пожал он плечами. — Только стоит ли торопиться?

— Не очень весело сидеть за решеткой, — хмыкнула я и, ткнув пальцем в окно, добавила: — А там весна.

— Варя, вы что-нибудь решили? — не без робости спросил он.

— Как жить дальше? Если честно, не знаю. Программа минимум: уехать из этого города туда, где обо мне никто ничего не слышал. И просто жить. Валька обещала указующий перст. Она, конечно, чокнутая, но в старину считали, что бог глаголет устами сумасшедших. Вдруг правда? Поживу, по-

дождю, а если он мне ничего не скажет, попробую не огорчаться.

— Варя, время все лечит, поверьте мне... Вы еще будете счастливы.

— Само собой, — кивнула я и, помедлив, спросила: — Хотите со мной, Док?

— А я тебе нужен? — грустно усмехнулся он.

— Конечно, — ответила я, сжав его ладонь в своей. Если честно, в тот момент я плохо представляла, какое применение смогу придумать Доку, но он был хорошим человеком, без паршивых мыслей и мне нравился. Человек не должен быть один, а мы идеально подходили друг другу.

Но уехали мы не сразу, кое-что надлежало сделать в этом городе. Во-первых, я сменила фамилию и стала Усольцевой, как бабушка по материнской линии. Так как моя история была хорошо известна в городе, мне в данном вопросе пошли навстречу, и все прошло без сучка и задоринки. На продажу квартиры тоже ушло время. Доку продавать было нечего, после развода с женой он жил в общежитии, куда смог пристроиться благодаря однокашнику, его личные вещи уместились в спортивную сумку, и последнее время он жил у меня. Так было удобнее.

Должно быть, мы являли собой странную парочку: сумасшедшая и врач-неудачник, но уживались прекрасно. И хоть спали в одной комнате, однако наши отношения были исключительно невинны: у Дока проблемы и у меня, после общения с тремя злыми придурками, — тоже.

Наконец пришел день, когда мы покинули город. Док подогнал к подъезду свои «Жигули», довольно обшарпанные, но резвые, мы загрузили в них два чемодана и несколько сумок. С привычными вещами я рассталась легко.

Мы прокатились по городу и выехали на объ-

ездную. Миновав пост ГАИ, Док остановился и посмотрел на меня, а я на него.

— Мы вернемся? — спросил он, и я кивнула, чтоб его не огорчать.

Дело в том, что у Дока сложилось неверное представление обо мне. Сейчас он хотел, чтобы я разразилась речью на тему: мы вернемся, и им мало не покажется (кому «им», догадаться нетрудно), однако в мои планы не входило быть русским бэтменом в юбке или кем-то там еще. Наводить в стране порядок — дело милиции, а мечь меня не привлекала. Да и кому мстить? Сашке Монаху, которого я сама затащила в свою постель? Парню надо было укрыться на ночь, и он присмотрел меня. Кстати, за ночлег заплатил с лихвой: я была на седьмом небе от счастья и даже поверила, что он меня любит. Трем ублюдкам, которые так старательно надо мной потрудились? Так ведь им приказали. Надо было отыскать Сашку, а я молчала и, конечно, нервировала. Допустим, они окажутся в моей власти, ну и что, я начну им мозги ложкой вычерпывать или нарезать ремни из шкуры? Тошнота наворачивалась при одной мысли об этом. Да я ударить-то их как следует и то вряд ли сумею... Был еще тот, кто приказал, но он ведь рук ко мне не прикладывал... Сказка про белого бычка, одним словом, и по всему выходило, что виноваты во всем моя глупость и доверчивость. Сидела бы дома, вышла бы замуж за одного из коротышек и жила до старости в покое и довольстве без всяких там приключений... Так ведь не хотелось покоя... Словом, за что боролась, на то и напоролась. Хорошо, что Док мои мысли не слышит, вот бы удивился...

Обосновались мы в соседнем областном центре, километров за триста от родного города. Сняли двухкомнатную «хрущевку». Док пристроился в каком-то Центре реабилитации, где бывшие алка-

ши открывали ему душу, а я дала объявление в газету: «Квалифицированная гадалка расскажет о прошлом и откроет будущее». Насчет будущего я преувеличивала, уж чего не могу, того не могу, зато с прошлым полный был порядок. А ведь человек как устроен: расскажи ему о вчерашних делах, и он тебе поверит, а уж потом лепи про будущее что попало, он все воспримет с благодарностью. Правда, я не злоупотребляла и в основном советовала быть осторожнее, предостерегала от пьянства, случайных связей и рекомендовала заботиться о детях. В общем, заслуживала медали как борец за чистоту нравов.

Медаль мне так и не дали, а вот денежки потекли рекой. Конечно, не сразу. Объявление пришлось дать трижды, прежде чем в нашей квартире появилась женщина лет сорока. Я ей очень обрадовалась, и не только потому, что она была первой клиенткой: сидеть в четырех стенах и общаться только с Доком, мысли которого я знала наизусть, порядком надоело.

С клиенткой я беседовала часа два, она заплатила много больше, чем я просила, и отбыла чрезвычайно довольная, хотя я только и сделала, что повторила ее мысли вслух, однако на нее это произвело самое благотворное воздействие: женщина успокоилась и приняла необходимое решение.

Через два дня клиентов было уже трое, потом их стало столько, что пришлось назначать время приема и повышать таксу, дабы избавиться от просто любопытствующих. Док забросил Центр и вел предварительные беседы с клиентами, многие нуждались в помощи психолога, а отнюдь не в услугах гадалки. В общем, дела наши процветали.

Как-то поздней осенью, ближе к вечеру, в квартире появились двое молодых людей сурового вида. Побеседовав с ними семь минут, я могла констати-

ровать завидное единодушие наших взглядов по всем основным жизненным принципам и с того момента свой бизнес как бы узаконила. Парни остались довольны, а про меня и говорить нечего.

Так прошел год. Денег я заработала столько, что они вызывали томление: тратить их было некуда, жили мы скромно, Док являлся убежденным вегетарианцем и щипал салат, а я налегала на сладкое, видно, недокормили в детстве.

Док беспокоился за наши денежки и опасался грабителей, а я все пыталась решить: к чему мне мой дар, и дар ли это вообще, а не странное стечение обстоятельств? Год прошел, а я так и не решила и ничего похожего на знак усмотреть не смогла. Оттого, как водится, заскучала.

Примерно в это время в нашей квартире возник Колька Вихряй, один из моих «защитников». По делам он был накануне, а сегодня ему здесь совершенно нечего было делать, и я слегка удивилась. Рядом топтался его дружок, которого я знала плохо, помнила, что зовут Серега, а кличка Чиж или что-то в этом роде. Конечно, мне ничего не стоило слазить в его мозги и это выяснить, но понапрасну я не напрягаюсь.

В общем, они возникли в прихожей, отводили глаза и явно томились.

— Ты чего притащился? — удивилась я. Колька вздохнул и не без робости произнес:

— Варвара, ты это... погадала бы мне, а?

— Влюбился, что ли?

— Ага, — хмыкнул он и, конечно, врал. Другое его мучило.

— Ладно, пошли в комнату, — предложила я, и он пошел, его дружок тоже.

Я извлекла карты и стала их раскладывать, а потом вещать, при этом путала короля с валетом, подрывая свою репутацию. Но Кольке было не до

королей, он выглядел подавленным и ждал от меня чуда. Мысли его я видела как на ладони.

Рассказав о его недавних горестях, неудачах и небольшой радости (на днях он наконец-то излечился от триппера, который появился совершенно неожиданно после краткого общения с одной симпатичной девушкой лет пятнадцати, по виду маменькиной дочкой), так вот, раскрыв ему глаза на все это и отметив на его лице глубокое удовлетворение, я перешла к насущному, то есть дню завтрашнему. Именно предстоящее завтра событие, точнее, встреча, назначенная на семь часов вечера в тихом, ничем не примечательном местечке, и вгоняла Кольку в тоску. Он сильно сомневался, что уйдет оттуда в целостности и сохранности, и, между прочим, сомневался не напрасно. Я бы на его месте наплевала и не пошла, но стриженные ребяташки народ чудной, живут по своим правилам, нормальному человеку эти правила покажутся глупыми, но братва их блюдет и от неписаного закона ни на шаг. Надо сохранить лицо, или что там у них.

И Колька завтра, конечно, поедет, отговаривать смысла нет, да и без разницы мне: лишится он своей головы или она еще некоторое время будет служить ему украшением. Правда, Колька парень неплохой, то есть не хуже многих других, хоть, конечно, и не лучше.

Тяжело вздохнув, я сказала:

— Завтра тебя ждет дорога и встреча с тремя королями. Остерегайся их, потому что они смерти твоей хотят. Если после шести вечера завтра из дома не выйдешь, жить будешь долго и удача тебя не оставит. — В этом месте я еще раз тяжело вздохнула и уставилась на него. Он облизнул губы, посмотрел на меня с укором, а я решительно добавила: — Короче, из дома носа не кажешь, и все будет хорошо, высунешься — жди неприятностей.

— Как же, сиди дома... — разозлился он, а я удивилась:

— Ты чего, Коля? Просил погадать, так я гадаю. А остальное — дело не мое.

Тут я еще кое-что порассказала и, судя по всему, произвела впечатление. Зная Колькины мысли, было это совершенно нетрудно. Но он-то не знал, что я знаю, поэтому краснел, ерзал и таращил глаза.

— Все, — закончила я глядеть на двух королей и крестовую десятку. — Вопросы есть? Вопросов нет. Сеанс закончен.

— А... больше ты ничего не знаешь? — посидев пнем минут пять, робко поинтересовался он.

— Что тебе еще? — удивилась я.

— Ну... погадай еще раз... может, чего увидишь.

Он извлек из бумажника деньги и положил на стол. Сумма заметно превышала мою обычную таксу.

— Убери, — сказала я, демонстрируя обиду. — Не чужие ведь люди.

— Нет, — мотнул он стриженной головой. — Хочу, чтоб все было как положено...

Я вздохнула и еще раз разложила карты. Как на грех, выпали одни вины. Колька на них уставился и спросил:

— Хреново?

— Ну... — ответила я уклончиво, повертела в руках шестерку, отшвырнула ее, поморщившись, и сказала: — Коля, завтра вечером сиди дома... — Тумана я напускала вовсе не для того, чтобы запугать Кольку, просто ему очень хотелось услышать, чем закончится завтрашняя встреча, а я об этом не имела понятия, потому что даром предвидения меня господь не наградил. Умный человек избегает неприятностей, именно эту мысль я и пыталась донести до Колькиного сознания. Он понял все по-своему. Тяжело поднялся, отводя взгляд, и сказал:

— Ладно, я пошел.
Дружок тосковал в кресле рядом и выглядел слегка пришибленным.
— Тебе тоже погадать? — спросила я.
Парень вскочил и попятился к двери.
— Не-а...
— Правильно, — пришлось мне согласиться. —
Меньше знаешь — крепче спишь.
Буркнув «до свидания», парни удалились.
Док проводил их до дверей и возник в комнате.
— Чего им надо?
— Судьбу узнать хотели. А судьба — она, как известно, злодейка.
— Что ты ему сказала?
— Посоветовала завтра вечером смотреть телевизор. Но он, конечно, не слушает.
— И что?
— Да откуда ж мне знать? — удивилась я. Док кивнул, но не поверил.
Через две недели меня вновь посетил Чиж по служебной, так сказать, надобности. Рядом с ним стоял высоченный парень с перебитым носом, ранее я его не видела и появлению в своей квартире слегка удивилась: я не люблю перемен, и парни, кстати, тоже их не любили.
— Где Колька? — поинтересовалась я.
— Нету.
— Что значит «нету»? — спросила я больше для порядка, потому что ответ уже знала.
— Похоронили. Десять дней назад. Вот такие дела...
— Жаль парня, — не очень сокрушаясь, заметила я.
Мы перешли к насущным делам. Уже перед уходом Чиж вдруг спросил:
— Это ведь виновная шестерка? Не зря ты ее в руках вертела... Ты ведь знала, что его убьют, так?

— Я знаю то, что мне карты показывают...

— Само собой... — Чиж покачал головой и виновато добавил: — Я ведь раньше не верил... ну... думал — глупость все это, гадание и все такое... и никому бы не поверил, если б своими глазами не увидел... Деньги тебе не зря платят.

— У меня дар, — серьезно заявила я. — От бабушки достался. А у нее от матери. По наследству то есть.

— Ясно, — еще разок кивнул он, после чего удалился, при этом выглядел просветленным, словно ему открылось нечто высокое.

После этого случая ребятишки в городе, не только из нашего района, но и из соседних, стали относиться ко мне с заметной настороженностью. При встрече сдержанно здоровались и были исключительно вежливы, правда, узнать свою судьбу никто из них не спешил. Док утверждает, что они считают меня колдуньей. Может, он и прав. Нет более суеверных людей, чем те, что не в ладах с законом. В общем, покойный Колька успел-таки сделать мне рекламу. Теперь в городе меня знала каждая собака и проявляла ко мне уважение (не собака, конечно, а местная шпана). Отношения у нас сложились дружеские, можно сказать — душевные. В атмосфере этой самой душевности прошел еще год. Ничего нового он не принес, если не считать денег, но они не очень радовали, потому что мы с Доком так и не придумали, куда их тратить. Правда, купили «БМВ», выглядела машина очень прилично, на этом наша фантазия истощилась. Решили было купить квартиру, получше да попросторней, но заленились: не хотелось покидать насиженное место. А народ, ждущий от меня откровений, все прибывал. Кажется, уже весь город охватили, и не по одному разу, а они все откуда-то брались. Стали приезжать клиенты из районов, иногда очень от-

даленных. Когда в прихожей возникла гражданка неопределенного возраста и выдающейся комплекции, преодолевшая расстояние в двести километров, чтобы увидаться со мной, я задумалась, а потом и вовсе затосковала. Неужто дар, или что там есть, ниспослан мне для того, чтобы стать всероссийски известной гадалкой? Совсем мне этого не хочется. Неужели нет ему применения поинтереснее?

Дни шли, а я продолжала изводить себя невеселыми мыслями. Док тоже выглядел несчастным и тоже размышлял, иногда даже сожалел, что покинул родную психиатрическую больницу, где приносил явную пользу. Впрочем, Доку проще, вернуться в психушку никогда не поздно, а вот я...

В самый разгар самокопания и анализа своей судьбы, пришедшийся аккурат на Рождество, в нашем доме вновь появились незваные гости, на сей раз рангом повыше. Я читала «Иудейскую войну» Флавия и думала о том, что раньше люди жили веселее, тут в дверь позвонили. Док заспешил в прихожую из своей комнаты, а потом заглянул ко мне и стал делать какие-то тайные знаки, начисто забыв, что это совершенно лишнее. Я уже знала, что у нас дорогой гость, хозяин района, в котором мы обретались. Это именно ему мы усердно платили дань. Звали его Володя, точнее, Владимир Павлович, а кличка была довольно странной — Кума, надо полагать, производная от фамилии Кумачев. Поскольку кличка звучала двусмысленно и с намеком на неуважение, называть его так в глаза никто не решался. Для меня он был Владимир Павлович, встречались мы до сей поры дважды, оба раза в казино, где он был хозяином, а я заходила просадить часть денег, изъятых у доверчивых граждан вполне законным путем. В общем, мы были знакомы, но не настолько, чтоб он запросто навещал меня по

вечерам. Я удивилась и, честно говоря, немного стухнула, но лишь до того момента, когда он возник в комнате в сопровождении доверенного лица. Ни одной черной мысли на мой счет. Я порадовалась и заулыбалась, а также принялась демонстрировать гостеприимство.

— Не суетись, — махнул рукой Кума, устраиваясь в кресле. — Я так... заглянул ненадолго.

Я затихла в кресле напротив, продолжая выказывать глубокое удовлетворение от встречи с ним. Сопровождающее лицо ненавязчиво исчезло за дверью, Док попросту не появлялся, в общем, мы сидели одни, Кума прикидывал, как половчее начать разговор, а я удивлялась и его разглядывала.

Он был старше меня года на два, выглядел внушительно и вполне пристойно. Головы по бандитской моде не брил, цепей, колец и браслетов не носил, одевался элегантно. Изъяснялся вполне грамотно, матерился только по крайней необходимости, старался быть справедливым, правда, так, как эта справедливость ему виделась, кровавые разборки не жаловал, беспредельщиков считал мудаками и сам грех убийства на душу по сию пору не брал. В общем, мог считаться вполне приличным парнем. Его уважали, кое-кто очень не любил, а кто-то сильно боялся. Последние несколько дней выдались тяжелыми, и Кума думал и гадал, как жить дальше.

По этой надобности и притащился, но из-за дурацкого форса попросить «погадай» не мог, смотрел на меня и силился изобрести причину, по которой он нанес мне визит. Хотя дело было не только в форсе: его сильно удручал пример Кольки Вихря, безвременно почившего после лицезрения в моих руках винновой шестерки, но Кума даже самому себе в этом бы не признался. В общем, никуда не торопясь, мы поиграли в кошки-мышки.

— Ехал мимо, дай, думаю, зайду, — без фантазии начал он. — Ты у нас теперь знаменитость...

— Я плачу исправно, — на всякий случай заканючила я. — Расходы большие, менты цепляются, житья нет.

— Да ладно, не о том я... Просто интересно: ты вправду чего умеешь или это фокус какой?

Я вздохнула, потупив глазки и немного помявшись, ответила:

— Конечно, фокус. Тебе врать не буду.

— Да? — Он вроде бы огорчился. — А говорят, что ни скажешь, все в масть.

— Психология, — пожалала я плечами. Психология его заинтересовала. Сообразив, что просто так он не отцепится, я предложила: — Могу продемонстрировать, как это делается.

— Давай.

— Начинаю с самого простого. Например, несчастная любовь. Ты криво усмехнулся, значит, таковая тебе не грозит. Финансовые проблемы. Ты хоть и знаешь, что все туфта, насторожился. Я наблюдаю, подмечаю... ну и так далее.

— А карты?

— А карты для порядка. Как же без карт?

— Значит, туфта, говоришь? — пригорюнился Владимир Павлович.

— Ага. Только ты уж, будь добр, об этом помалкивай. У меня хороший бизнес, и налоги я плачу исправно.

Кума усмехнулся, но уходить не спешил, поглядывал по сторонам и томился. Мне тоже спешить было некуда, потому что сидела я в собственном кресле, а дел у меня вовсе никаких, и ожидала, решится он произнести то, о чем думал, или так и уйдет, ничего не поведав.

— Жаль, — вдруг сказал он. — Очень бы мне такой человек пригодился, особенно сейчас. Рас-

кинул бы картишки и сказал, чего ждать следует. — Кума засмеялся, но говорил в общем-то серьезно.

— Чего не могу, того не могу, — огорчилась я. — А врать тебе — никакого желания. Не такой ты человек, чтоб тебе лапшу на уши навешивать. — Я сделала паузу и предложила, поняв, что уходить он по-прежнему не спешит: — Хочешь выпить? Водки у меня, правда, нет, но немного коньяка найдется.

— Давай коньяк. Водку я, кстати, не жалею.

«А нам об этом очень хорошо известно», — съязвила я, правда, мысленно. Сходила в кухню и вернулась с подносом: графинчик с коньячком, бутерброды с икоркой, лимон дольками и колбаса колечками (Док хотел ее выбросить, а вот смотри-ка, пригодилась). Мы выпили и заели икоркой. Кума продолжал меня разглядывать, мысли у него при этом были любопытные, но совершенно для меня неопасные, и я расслабилась. После второй рюмки он спросил:

— Ты сама откуда?

— Издалека, — ответила я, а он опять спросил:

— А какими судьбами к нам попала?

— На машине приехала. Город мне ваш по душе пришелся, потому как никто меня здесь не знал.

— Баба ты крученная, и видок у тебя соответствует, думаю, кое-чего в жизни ты повидала, — кивнул он, а я усмехнулась:

— Физиономия моя не нравится?

— Физиономия у тебя ничего, а вот взгляд дурной. У меня есть один с таким взглядом, лет десять я его знаю, а спиной поворачиваться к нему ни в жизнь бы не стал.

— Я вообще-то тихая, — загнусила я, — и неприятностей не ищу. Живу себе спокойненько и другим не мешаю.

— Ага, — согласился он и взглянул исподлобья.

— Все-таки рожа моя тебе не нравится, — хохотнула я, а он пожал плечами.

— Говорю, нормальная у тебя рожа... — Тут и он засмеялся. — Не обижайся. Конечно, шрамы бабу не красят. Кто ж тебя так?

— Самосвал, — с легкой придурью во взгляде ответила я. — Поехала в Москву на рынок, еду, никому не мешаю, и вдруг этот алкаш навстречу. «Поцеловались» мы с ним, парнишка коньки отбросил, а мне украшения оставил, чтоб дольше о нем помнила.

— Не повезло, — хмыкнул Кума, отставил рюмку и поднялся. — Что ж, спасибо за угощение.

— Заходи, если будет желание. Хорошему человеку всегда рада.

— А Док твой, он кто, правда доктор или тоже туфта? — неожиданно спросил Кума уже возле двери.

— Док — врач, психов лечил, надоели они ему, сам чуть не спятил, вот и подался со мной.

— Занятно... Пошли, Серега, — окликнул Кума охранника и сказал мне со смешком: — А про самосвал ты врешь. Не водила тебе завещал себя помнить, а вот кто? Ты часом не на любовное свидание в наш город явилась?

— С любовью у меня туго, — забеспокоилась я. — Большие проблемы по женской линии. И, богом тебе клянусь, беспокойства от меня никому не будет. Клиенты довольны, с властями дружу, а вас очень уважаю.

— Хорошо, если так, — серьезно проронил Кума и наконец отбыл. А я задумалась.

От глубоких размышлений меня отвлек Док, возникший в комнате.

— Чего он хотел?

— Супероружие, — развела я руками. — Знать о конкурентах все и каждый их шаг наперед угадывать. Согласись, в этом что-то есть.

— Ты ему сказала? — ахнул Док, впрочем, сам в это не веря.

— Нет, разумеется. Я покаялась: фокусничаю, народ дурю. Он расстроился.

— И что теперь?

— Да ничего.

— Ужинать будешь? — поскучав немного у порога, поинтересовался он.

— Нет. Поздно уже.

Док исчез за дверью, а я подошла к окну и уставилась в темноту. Неожиданный визит Кумы навел меня на интересные мысли. Я перекидывала их и так, и эдак, они нравились мне все больше и больше. Что, черт возьми, я делаю в этом городе? Жду знака? А может, визит Кумы и есть тот самый знак, ведь наверняка не скажешь. Надо бы как-то поделкатнее поторопить господа. Сколько же можно сидеть здесь без дела? Скучно. Доку, и тому скучно, а про меня и говорить нечего. Копайся в мыслях всяких придурков, добро бы польза какая... Польза, конечно, есть, это я малость завралась, но все равно скучно. Короче, если Магомет не идет к горе, значит, самое время горе сдвинуться с места.

Решение я приняла быстро и устремилась в кухню. Док ковырял вилкой в любимой травке и тоже смотрел в окно. Мысли в голове невеселые, последнее время он пытался от меня прятаться, твердил про себя стихи, а я позволяла ему думать, что это помогает. Док немного странный человек, он во всем ищет смысл: зачем родился, зачем учился, зачем потащился со мной? До него все никак не доходит одна простая вещь: жизнь случайна, а следовательно, бессмысленна. Над ней можно ломать голову, а можно просто жить в свое удовольствие. Это, кстати, то, чем я намерена заняться.

— Мы уезжаем, — сказала я и выдала свою лучшую улыбку.

— Куда? — Он вроде бы растерялся.
— Домой. Деньги заработали, пора их тратить.
— Ты... — Он торопливо опустил глаза, не решившись произнести слово «отомстить». Я уже давно поняла: несмотря на возраст, он романтик.

— Я соскучилась по родному городу, — врать не хотелось, а обижать его тем более.

— Когда поедем? — чуть помолчав, спросил он.

— Надо решить вопрос с квартирой, а мне выправить паспорт взамен свистнутого.

— У тебя украли паспорт? — поднял он брови, а я укоризненно покачала головой.

— Док, как можно украсть у меня паспорт? Человек только руку протянул, а я уже услышала. Паспорт в сумке лежит, где ему и положено, а я введу родную милицию в заблуждение и сообщу, что свистнули. Лишний паспорт не помешает. Тем более что я планирую выйти замуж.

Уж на что Док спокойный мужик, но глаза выпучил и даже вилку уронил.

— За кого?

— Еще не знаю. Желательно, чтобы он сразу после бракосочетания отбыл за границу. Сыскать такого будет нетрудно.

— Варвара, что ты болтаешь? — нахмурился он.

— Я посвящаю тебя в свои планы, неужели не ясно? Мы возвращаемся в родной город, народ вокруг любопытный, спросят, к примеру: откуда бабки, а я им — от верблюда, то есть от мужа, муж у меня за границей большие деньги зашибает, а я здесь живу не тужу.

— Ты надеешься, что, если сменишь фамилию, тебя не найдут?

— Кто, Док? Кто меня ищет?

Квартиру продали, паспорт я получила, и мы, погрузив нехитрый скарб в новую машину, отбыли в столицу нашей родины. Свой план я решила осу-

ществлять поэтапно. Москва как раз и была первым этапом. Для начала я устроила Дока в приличной гостинице, а себя в больничной палате. Здесь я приобрела роскошную улыбку, наконец-то избавилась от шрамов, а также от ребра (одного я лишилась два года назад, а так как слышала, что они парные, решила, что второе мне совершенно ни к чему), в результате у меня образовалась восхитительная талия, такая умопомрачительно тонкая, что кое-кто в Голливуде, узнав об этом, хлопнулся бы в обморок. После талии взялись за бюст. Вообще-то он сам по себе был неплох, но трое уродов его малость подпортили. Благодаря чудесам современной медицины очень скоро он стал краше прежнего, чему я от души порадовалась. В мой облик были внесены еще кое-какие изменения, бог знает что можно купить за деньги.

Больницу я покидала, мысленно визжа от восторга и потирая руки. Доку перемены не пришлось по вкусу.

— Ты стала совсем другой, — с грустью заметил он, после того как минут пять пялил на меня глаза. Я же говорю, Док романтик, очень ему хочется кого-то спасти, быть нужным и все такое. Вот если бы я слегла с какой-нибудь каверзной болезнью или окончательно свихнулась, он бы порадовался. Сидел бы рядом, держал за руку и утешал. Но у меня на этот счет свое мнение.

Я поцеловала его и ласково пропела:

— Это я, Док, я. И я тебя очень люблю.

— Это неправда, — улыбнулся он. — Но для меня главное другое. Ты знаешь что.

— Конечно. Я тебя люблю, и ты мне очень нужен.

— Спасибо. — Он распахнул дверь машины и помог мне сесть. — Ты самая красивая женщина в мире.

— Спасибо, — передразнила я, и мы отправились в гостиницу.

Мое появление там по произведенному впечатлению напоминало небольшое извержение вулкана. Сотрудники, постояльцы и прочие праздные граждане, пока я оформляла бумаги, нарезали круги вокруг. Это радовало: денежки не пущены по ветру, и толк от операций явно был.

В номере, отослав Дока, я устроилась перед зеркалом и уставилась на себя. Внешность у меня очень удобная, завязала «хвост» на затылке, потупила глазки — красавица-скромница, маменькина дочка; прямой пробор, улыбка до ушей, в глазах веселые черти — болтушка-хохотушка, душа компании; взбила волосы в высокую прическу, взгляд в упор — роковая женщина, да и только. Пока этих трех масок более чем достаточно.

Я удовлетворенно кивнула и прилегла, решив немного поразмышлять, в каком месте лучше встретить будущего супруга. Остановилась на казино. Вот еще одна из особенностей моего характера: после памятной встречи с Монахом мне следовало бы относиться к данному публичному месту с опасением и даже страхом — по крайней мере, дурные воспоминания всколыхнуть во мне оно просто обязано, но я, как видно, из духа противоречия, выбрала именно казино. И решила искать себе мужа там, предварительно отправившись с Доком на разведку. Казино должно быть приличным, а посетители людьми состоятельными. Как раз одно такое сыскалось очень быстро. Располагалось оно в здании соседней гостиницы, и мы не замедлили в нее переехать, благо средства нам это позволяли и свободные номера тоже нашлись.

Ближе к ночи Док облачился в дорогой костюм, выглядел он в нем весьма элегантно и сам себе нравился, хоть и шутил, что данный наряд придает ему

облик «нового русского». Новый или старый, не скажу, но Док теперь походил на главу процветающего банка, а отнюдь не на заштатного врача из городской психушки, чему я по понятным причинам от души радовалась. Я надела вечернее платье и обрадовалась еще больше: что ни говори, а быть красивой женщиной, да еще при деньгах, очень приятно.

В казино мы вошли вместе, но, войдя, сразу разделились. Док играл по маленькой, а я шныряла между столов, приглядывалась и прислушивалась. Поначалу мое внимание привлек господин неопределенного возраста с вкрадчивыми манерами. Поторчав поблизости минут пятнадцать, я поняла, что дядька ох как непрост и держаться от него следует подальше. Вот тут я и заприметила будущего супруга. Высокий, худой, в светлом костюме, при ярком галстуке, он ослепительно улыбался, проигрываясь в пух и прах. Я устроилась поблизости, устремив взгляд в противоположную сторону. Через пятнадцать минут улыбка сползла с его лица, потом вспотели руки, а еще через полчаса взгляд остекленел, а на лбу выступили крупные капли пота. Дела у парня были хуже некуда. Вот как раз такой мне и был нужен.

К тому моменту, когда он спустил все денежки, оставив себе кое-какую мелочь, я знала о нем все, что хотела, и отправилась следом. Мы столкнулись в дверях, то есть я заспешила, пытаясь проникнуть в распахнутую им дверь, а он, пребывая в сильнейшем волнении, этого не заметил. Задел меня локтем, поднял взгляд и торопливо извинился, открыв дверь пошире.

Я улыбнулась проникновенно и даже призывно. Парень был болтун и бабник и в другое время вцепился бы в меня клещом, но сегодня женщины его не интересовали. Почти не интересовали.

— Извините, — еще раз повторил он, стрельнул взглядом, убедился, что я без спутника, и стал прикидывать, стоит ли пригласить меня в бар на последние деньги. Я решила, что стоит, и сказала:

— Вы отдавили мне ногу, с вас чашка кофе.

Он засмеялся, хоть без особого веселья, и мы пошли в бар. Там и познакомились.

Звали его Максим, и через неделю он собирался отбыть за границу, правда, мне об этом не сказал. Сидел и думал, что ему со мной делать. И шанс упустить обидно, и настроение дохлое. Я решила поднять его настроение и ласково предложила:

— Знакомство лучше всего продолжить у меня в номере.

Он вновь принялся метаться в мыслях, сначала решил, что я проститутка, но тут же передумал. И правильно. О женщинах следует думать только хорошо и уважительно. За свой кофе я заплатила сама, чем окончательно его озадачила.

— Так как насчет того, чтобы зайти в гости? — повторно задала я вопрос. — Я живу в этой гостинице, и сегодня мне скучно.

Был бы он умный, рисковать бы не стал, но умным он не был, и мой полуобнаженный бюст его тревожил. Потому, наплевав на все проблемы, парень пошел со мной.

— А у вас тут неплохо, — прогулявшись по номеру, заявил он, подошел ко мне, обнял и поцеловал с большой страстью. Страсть эта на меня особого впечатления не произвела, а вот его мысли нравились мне всё больше и больше.

— Садитесь, Максим Петрович, — кивнула я на диван, и он сел в некотором недоумении, потому что про Петровича мне не говорил, и поэтому струхнул. Я села напротив, достала из сумки пачку долларов и запечатанную колоду карт.

— Не желаете сыграть со мной, на последние?

— Я что-то не очень понимаю... — произнес он, руки его при этом дрожали.

— А чего тут понимать? Вы посадили большие деньги. Заметьте, чужие. Сегодня пробовали отыграться и спустили все. По головке вас за это не погладят, даже более того... В старину в этом случае стрелялись, но вы себя очень любите... Так что через недельку вместо вожделенной заграницы будете вы лежать под каким-нибудь мостом, причем в таком виде, что представить жутко. И похоронят вас скорее всего за государственный счет, ведь близких родственников у вас нет, значит, не скоро хватятся.

— Кто вы? — с ухмылкой спросил он, хотя перетрусил отчаянно.

— Ваша будущая супруга, если мы договоримся, конечно.

— Бред какой-то! — выкрикнул он, поднимаясь, но тут в номер вошел Док, и парень опустился на место, переводя взгляд с него на меня. Мы немного поиграли в молчанку, потом Максим спросил: — Кто вы и что все это значит?

— Если б выслушали внимательно, то уже поняли бы: я хочу за вас замуж. В качестве компенсации за моральный ущерб я выплачу ваш долг. Весь до копейки. Согласитесь, это по-божески.

— Слушайте, я ничего не понимаю, — заволновался он, обращаясь теперь к Доку. — Если вы из разведки, то глубоко заблуждаетесь, я...

— Да мы знаем, вы не волнуйтесь так, Максим Петрович. Мне необходим штамп в паспорте и муж за границей, только и всего. Взамен вы получаете деньги, а в вашем случае это не просто деньги — это жизнь. Мне кажется, с вашей стороны будет глупо не согласиться.

— Ребята, я ничего не понимаю, — честно признался он.